

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Лазаренкова Ольга Григорьевна

канд. юрид. наук, доцент

Российская правовая академия Минюста РФ (Северо-Западный филиал)

г. Санкт-Петербург

ПРИНЦИП ДОБРОСОВЕСТНОСТИ КАК СООТВЕТСТВИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯМ СОВРЕМЕННОЙ ЦИВИЛИСТИЧЕСКОЙ ДОКТРИНЫ

Аннотация: в данной статье автор анализирует сущность принципа добросовестности как новеллы гражданского законодательства. Представлены разные точки зрения исследователей на определение понятия «принцип добросовестности» в сфере гражданских правоотношений. Описывается сущность принципа, его реализация в системе гражданско-правового регулирования. Автор приходит к выводу, что назначение этого принципа – соблюдение баланса частных и публичных интересов участников гражданских правоотношений.

Ключевые слова: добросовестность, разумность, принцип добросовестности, баланс частных и публичных интересов.

1 марта 2013 года вступили в силу изменения, внесенные в статью первую ГК РФ, в соответствии с которыми был установлен принцип добросовестности, как одно из основных начал гражданского законодательства [9]. Его суть кратко характеризуется следующим: участники гражданских правоотношений должны действовать добросовестно при установлении, осуществлении и защите гражданских прав, исполнении обязанностей; никто не вправе извлекать выгоду из своего недобросовестного поведения. В Пояснительной записке к проекту закона, внесшего данные изменения, отмечается, что принцип добросовестности соответствует представлениям современной доктрины гражданского права и давно введен в законодательство подавляющего большинства стран с развитыми правопорядками [9].

Характеризуя эту новеллу законодательства, следует остановиться на следующих моментах, которые, по нашему мнению, определяют ее соответствие представлениям современной цивилистической доктрины: о понятии добросовестности как гражданско-правовой категории; об определении ее сущности; об установлении критериев, которым этот принцип должен соответствовать, чтобы претендовать на свое место в системе общих начал гражданского законодательства.

Так, Д.Н. Кархалев отмечает, что исторически категория добросовестности уходит своими корнями к критерию «добрых нравов», который используется во многих развитых зарубежных правопорядках, заимствовавших его из римского права («*bona fides*») [3, с. 30].

В научной литературе дано ряд определений этому принципу, в которых выделяются примерно одинаковые сущностные признаки.

Так, А.А. Чукреев определяет его как обязанность участника гражданских правоотношений при использовании своих прав и исполнении обязанностей заботиться о соблюдении прав и законных интересов других участников имущественного оборота. Заботливость в этом смысле подразумевает стремление субъекта предвидеть и предотвращать связанные с его деятельностью нарушения прав и законных интересов других лиц. Заботливый – значит, проявляющий заботу, т. е. мысль или деятельность, направленную к благополучию кого-либо или чего-либо, внимательный [9, с. 102].

Е.Е. Богданова под добросовестностью участников гражданского правоотношений понимает «сложившуюся в обществе и признанную законом, обычаем, судебной практикой систему представлений о нравственном поведении субъектов права при приобретении, осуществлении и защите субъективных гражданских прав, а также при исполнении обязанностей. Нравственность поведения участников гражданского оборота оценивается на основе противопоставления категорий добра и зла. Поведение, отражающее представление о добре, следует считать добросовестным. Поведение, отражающее представление о зле – недобросовестным» [2, с. 18].

Причем, всеми учеными в основном справедливо отмечается, что заботливость – субъективная характеристика добросовестности, в соответствии с которой субъект сам устанавливает для себя границы, в рамках которых он обязан быть заботливым. А разумность, в отличие от добросовестности, отличается такими характеристиками как рациональность, логичность и целесообразность поведения. Она носит оценочный характер и устанавливается судом с учетом фактических обстоятельств дела.

Одновременно с определением понятия в научном мире ведется дискуссия: всегда ли недобросовестное поведение является виновным? Для большинства ученых характерно отождествление добросовестного и безвиновного, а также соответственно недобросовестного и виновного. Такой точки зрения придерживается, например, Е.И. Емельянов [3, с. 106].

Более убедительной видится позиция Е.Е. Богдановой, которая придерживается противоположного мнения. По ее убеждению, стороны договорного правоотношения, при распределении прав и обязанностей по заключаемому договору, должны добиваться баланса, что и будет свидетельствовать об их добросовестном поведении [2, с. 18]. На основании этого, она приходит к выводу о нецелесообразности применения категорий, относящихся к институту гражданско-правовой ответственности, таких как виновность, невиновность, противоправность при решении вопроса о добросовестности или недобросовестности участников правоотношения.

Представляется, что добросовестность и недобросовестность – это оценка обществом поведения субъекта применительно к нравственным критериям. Некоторые случаи злостной недобросовестности законодатель квалифицирует как правонарушение, вместе с тем, вина субъекта далеко не всегда подлежит учету (например, в предпринимательских отношениях), а также не всегда неправомерное поведение влечет причинение вреда. В этих случаях принимается во внимание только наличие или отсутствие недобросовестности субъекта. При нарушении же субъективного права лица, не отнесенного законодателем к правонарушению, вина вообще не имеет какого-либо значения [2, с. 18].

Отвечая на второй вопрос, каким критериям должно соответствовать понятие добросовестности, обратимся к общепризнанной в научном мире позиции, которая наиболее четко выражена в учении Г.А. Свердлыка. Данный исследователь к признакам принципов гражданского права относит следующие: стабильность и адекватность гражданско-правовой действительности; способность быть основой практической деятельности правотворческих органов субъектов гражданского права и соответствующих юрисдикционных органов; и наконец, олицетворение объективных закономерностей развития имущественных и личных неимущественных прав. Среди принципов внедоговорных обязательств Г.А. Свердлык выделяет также недопустимость причинения вреда и полное возмещение вреда [7, с. 15].

Полагаем, принцип добросовестности отвечает всем этим критериям. Он может выступать в качестве доказательства (презумпции) в случае защиты нарушенных гражданских прав. Данный принцип пронизывает всю систему гражданско-правового регулирования общественных (регулятивных и охранительных) отношений. Добросовестность должна присутствовать при исполнении обязанностей, что прямо закреплено законом в ряде случаев. Так норма п. 3 ст. 53 ГК РФ предписывает вести себя добросовестно и разумно лицу, которое действует от имени юридического лица в его интересах; в вещных правоотношениях – при переработке и приобретательной давности и т. д. Добросовестность может быть использована в качестве одного из требований при применении аналогии права (п.2 ст. 6 ГК). Принцип добросовестности и последствия его нарушения также тесным образом связаны с охранительными правоотношениями. Причем, указанные правовые связи будут возникать только в том случае, когда закон ставит защиту гражданских прав в зависимость от того, осуществлялись ли эти права разумно и добросовестно.

Для многих участников гражданских правоотношений именно такая норма поведения, как добросовестность, является единствено приемлемой, но достаточно и тех, которые руководствуются только личными корыстными интересами, для удовлетворения которых считаются возможными любые действия, в том

числе и явно недобросовестные. Об этом свидетельствуют материалы гражданских дел, из которых усматривается как отдельные субъекты неосновательно обогащающиеся за счет других лиц, отказываются возмещать причиненный ими вред и т. д.

До недавнего времени широкое распространение получила практика, когда недобросовестные должники, пытаясь уклониться от исполнения договора, в суде ссылались на незаключенность договора. Такая ситуация была типичной для договора строительного подряда, когда недобросовестные заказчики, уклоняясь от оплаты принятых работ, ссылались на незаключенность договора строительного подряда, мотивируя это тем, что сторонами не был согласован срок начала производства работ, который является существенным условием договора. Следуя строго букве закона, суды вынуждены были признавать такие договоры незаключенными, явно поощряя тем самым недобросовестную сторону. В связи с этим, Президиум Высшего Арбитражного Суда РФ в 2012 году выработал новый подход к разрешению споров о возможности признания незаключенным договора подряда. Суд указал, что, несмотря на наличие определенных пороков, такой договор не может быть признан несостоявшимся в случае его исполнения другой стороной [5]. При обосновании данного подхода Президиум ВАС РФ среди прочего указал на то, что никто не вправе извлекать преимущества из своего незаконного поведения.

Сходная ситуация сложилась и в правоприменительной практике по договору аренды, когда недобросовестная сторона, арендатор, уклонялась от оплаты арендной платы, ссылаясь в суде на незаключенность договора аренды ввиду несогласованности предмета договора. В своем постановлении Высший Арбитражный Суд РФ высказал такую же позицию [6].

Таким образом, обязанность добросовестного поведения и раньше, до принятия указанного Закона, уже применялась судами при разрешении споров. Но, если ранее принцип добросовестности выводился только из содержания п. 2 ст. 6 ГК РФ, напрямую не относящегося к нормам, устанавливающим основные начала гражданского права, то теперь суды напрямую могут применять данную

норму при разрешении споров между участниками любых гражданских правоотношений. Как справедливо отмечается в литературе, для стабилизации гражданского оборота следует использовать все возможности, и в первую очередь, создание адекватного позитивного законодательства [8, с. 214]. Таким образом, принцип добросовестности приобрел характер общего правила, которому должны следовать субъекты гражданского права.

Вместе с тем, обращается внимание на то обстоятельство, что правила о добросовестности являются естественным противовесом правилам, утверждающим свободу договора и автономию воли сторон.

Как видим, недобросовестное поведение участников гражданского правоотношения в названных законодателем формах образует правонарушение, и не должно быть основанием для возникновения тех прав и обязанностей, на которые рассчитывал субъект. В целом ситуация может быть охарактеризована следующим образом: личный имущественный интерес участников гражданских правоотношений ограничен требованием учета интересов контрагента. Субъекты гражданских прав впредь не могут полагаться на принцип «разрешено все», что прямо не запрещено законом». Осуществляя свои гражданские права, каждый субъект, в соответствии с новым принципом, должен убедиться, не нарушает ли он прав и законных интересов других лиц; оценить насколько его поведение соответствует нормам морали и нравственности. Тем самым он ограничивает свою свободу, но вместе с тем, он учитывает интересы своего контрагента, третьих лиц и всего общества в целом. Заключая или расторгая договор, отказываясь от исполнения какой-либо обязанности, осуществляя свои пусть и законные права, субъект каждый раз должен удостовериться, а имеет ли он право на это моральное право.

Вносимые изменения в Гражданский кодекс изначально были призваны сохранить баланс публичных и частных интересов. В данном случае баланс является достаточно зыбким, и в научной среде рядом ученых высказывается мнение, согласно которому появление этого принципа свидетельствует о смешении акцентов в гражданско-правовых отношениях в пользу публичности [11, с. 40].

Как полагает один из современных исследователей Е.В. Богданов, анализ изменений ГК показывает, что в новой редакции будет существенно усиlena его социализация. Публичный интерес в нем будет иметь приоритетное значение. Внедрение принципа добросовестности в гражданско-правовые отношения, по его мнению, – это сокрушительный удар по индивидуализму частного права и свидетельствует о социализации гражданского права. Осуществляя социализацию гражданского права, общество учитывает интересы не только свои, но и членов общества [1, 8].

Список литературы:

1. Богданов Е.В. Эволюция гражданского права России в свете нового гражданского законодательства // Цивилист. – 2013. – № 3. – С. 7–8.
2. Богданова Е.Е. Критерии добросовестного поведения в договорных отношениях // Цивилист. – 2013. – № 4. – С. 18.
3. Емельянов В.И. Разумность, добросовестность, незлоупотребление гражданскими правами. – М., 2002. – С. 106.
4. Кархалев Д.Н. Принцип добросовестности в гражданском праве // Гражданское право. 2013. – № 5. – С. 30.
5. Постановление Президиума ВАС РФ от 21 февраля 2012 г. № 12499/11 по делу № А 40-92042/10-110-789 // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://base.consultant.ru/> (Дата обращения 15.12.2014).
6. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 25 января 2013 года № 13 // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://base.consultant.ru/> (Дата обращения 15.12.2014).
7. Свердлык Г.А. Принципы советского гражданского права. Красноярск, 1985. – С. 15.
8. Ставило С.П. Криминальные рейдерские технологии на рынке ценных бумаг // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. – 2007. – № 3. – С. 214.
9. Чукреев А.А. Добросовестность в системе принципов гражданского права // Журнал российского права. – 2002. – № 11. – С. 102.

10. Федеральный закон от 30 декабря 2012 года № 302-ФЗ «О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://base.consultant.ru/> (Дата обращения 15.12.2014).

11. Филющенко Л.И. Принципы договорного права: отражение в трудовом законодательстве // Журнал российского права. – 2014. – № 3. – С. 40.